

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ФИЛОСОФСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассмотрена роль метафоры в философской коммуникации. В связи с этим исследуются особенности употребления метафор в философском тексте, а также в философской коммуникации.

Ключевые слова: метафора, термин, философский текст, философская коммуникация.

Метафора прочно обосновалась в системе философской терминологии, получив в ней строго регламентированный статус. Долгое время присутствие метафоры в философском тексте связывалось с проявлением непрофессионализма, так как метафора относилась к структурам обыденного языка, а специализированный язык философского знания был призван отграничиться от мира повседневности. Пересмотр современной философией принципов классического рационализма и стремление вернуться на этой почве к проблематике жизненного мира коренным образом изменяют господствовавшую некогда тенденцию.

Очевидной сейчас становится невозможность окончательной формализации философского знания. Будучи синтетическим выражением мысли, оно часто сталкивается с недостаточной семантической емкостью точных понятий, т.к. содержание философского термина может даваться субъекту в интуитивной, неаналитической форме, одновременно располагая несколькими смысловыми центрами.

Естественно предположить, что указанная дефинитивная многозначность отображает специфику философского познания – стремление увидеть мир как нечто целое, обнаружить предельные основания явлений. Известно, что философия имеет дело не с самими явлениями, а с их смыслами, не с действительностью самой по себе, а с тем, как она дана относительно нашего сознания. Язык философии в связи с этим характеризуется отсутствием собственного объективированного поля референции. Он имеет только лингвистическую природу: относится не к самой реальности, данной в эксперименте, а к некой теоретической модели, включающей избранные абстрактные объекты.

Возникая посредством трансгрессии – нагружения новым смыслом предикатов, язык философии заключает в себе бытие философской мысли, способ ее существования. Хайдеггер говорит о том, что «язык есть дом бытия» [1. С. 272], «хранитель присутствия» [1. С. 272], замечая при этом, что «всякая осмысливающая мысль есть поэзия, а всякая поэзия – мысль» [1. С. 273].

В этом свете вполне уместным представляется наличие образно-метафорического плана в сугубо философских текстах. При анализе их языка обнаруживается, что сам способ образования слов-понятий изначально предполагает метафору – перенос чувственно-конкретного смысла на иной, в чувствах не данный объект. Так, категория «бытия» восходит прежде всего к слову «быть» в житейском смысле. В свой семантический потенциал оно включает существование отдельных вещей и мира в целом. Однако как принцип существования бытие впервые выступает у элеатов. По Пармениду, бытие воспринимается только мыслью, окружающий же нас чувственный мир скорее только кажется бытием и является некоторого рода небытием.

Тем самым первоначальный смысл слова «бытие» указывает на образно-созерцательную компоненту значения категории «бытия».

Подобного же рода инверсия метафоры происходит и при образовании понятия «субстанция». Слово «субстанция» первоначально означало тот материал, из которого состоят различные единичные вещи. Отсюда – допущение о возможности множества различных субстанций. Затем это слово приобретает исключительно философский смысл, получает значение последнего основания всего сущего.

Таким образом, анализируя становление философских понятий, мы часто убеждаемся в том, что в его основе лежит перенесение чувственного опыта на сферу философского знания. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением С.С. Аверинцева о природе философской терминологии: «Философский термин, если взглянуть на него с противоположного полюса, из сферы житейской речи, есть не что иное, как остановленная, фиксированная, застывшая метафора: бытовое слово, систематически употребляемое в несобственном смысле» [2. С. 52].

Итак, мы исходим из того, что язык философских текстов по своим семантическим характеристикам скорее напоминает не элементы специализированного научного языка, а выражения обыденной речи с присущей им нестрогостью, неоднозначностью.

Тесная связь языка философии с языком обыденной жизни не случайна и вытекает из особенности философского знания. Она заключается в стремлении выработать принципы, позволяющие увидеть мир как нечто целое, не разглядывая отдельные его детали. В этом контексте философское знание, прежде всего, имеет отношение к явлениям, уже освоенным культурой и вербализованными средствами естественного языка. Новизна философского знания связана не с открытием новых фактов, а с выработкой нового видения уже известных и хорошо изученных фактов. Поэтому естественный язык становится важнейшим источником философской терминологии.

Естественное богатство обыденного языка метафорическими структурами обуславливает наличие образно-метафорического плана и в языке философии. Выход философских знаний за рамки наблюдаемого делает неизбежным обращение к метафоре. Метафора позволяет познавать непосредственно не наблюдаемую действительность, т.к. находит ей «телесное» воплощение. Тем самым объект философии, умообразный по своей сути, фиксируется в языке и становится доступным для восприятия и последующего осмысления.

Особенно продуктивно обращение философов к языку обыденной речи в моменты развития или интенсивного поиска новых идей. Так, Кант, доказывая, что знанию доступны лишь явления, а не вещи, не находит

адекватного термина в традиционном понятийном аппарате философии и заимствует из обыденного языка слово «Ding», узусальное значение которого на первый взгляд кажется несовместимым с философской проблематикой, т.к. прежде всего имеет отношение к миру эмпирических фактов. Кант уточняет это значение определением «an sich» и создает особый философский термин, указывающий на сущность, которая не может быть дана в опыте.

Обнаружив новое философское содержание, Кант обозначает его словом обыденного языка, имеющим пространственную семантику. Произведенная ретерминологизация подчиняется принципу наглядности, конструктивной экспликации сугубо умозрительных построений с помощью слов естественного языка. Последние приспособляются Кантом к нуждам трансцендентальной философии. Так, в разговорном языке слово «Ding» означает неодушевленный предмет. В кантовской же философии оно приобретает умозрительный характер и описывает недоступное нашему восприятию бытие.

Процесс терминологизации метафоры «Ding an sich» проходит несколько этапов. Первый – это определение ее через посредство художественной образности. Так, в «Критике чистого разума» Кант использует в этих целях образ бушующего океана. Океан представляется Кантом стихийным пространством, наполненным туманами и льдами, которые кажутся новыми странами, но на самом деле вот-вот готовы растаять [3. С. 185]. Подобным средоточием иллюзий является, по Канту, и выходящее за пределы нашего опыта бытие вещей самих по себе. На фоне неопределенности этого бытия область чистого рассудка обозначается как остров, самой природой заключенный в неизменные границы.

К аналогичным сопоставлениям художественных образов Кант прибегает неоднократно, пытаясь наглядно продемонстрировать принципиальные различия сферы чистого рассудка и вещей самих по себе. Так, в части «Трансцендентальная эстетика» он обращается к художественному образу дождя и радуги: «Радугу мы готовы назвать только явлением, которое возникает при дожде, освещенном солнцем, а этот дождь – вещью самой по себе» [3. С. 63].

Тем самым на начальном этапе терминологизации метафора «Ding an sich» получает художественно-образную окраску. Став термином, она не утрачивает своей аутентичной функции изобразительности. Обращаясь к ярким и в то же время семантически четким образам радуги, бушующего океана и др., Кант сопровождает содержание своей терминологии необходимым комплексом ассоциаций, что представляет его идеи в свете освоенных культурой явлений.

Дальнейшая терминологизация метафоры «Ding an sich» связана с уточнением ее специфической значимости в кантовской философии. Семантика «вещи в себе» описывается через посредство традиционных философских терминов: «внеопытный», «всеобщий», «необходимый» и т.д. Освещая одну из качественных характеристик «вещи в себе», каждый из них очерчивает границы семантического пространства нового термина. Но отношения между уточняющими и уточняемым терминами не сводятся к тождеству и противоположности, а вполне могут их совмещать. Два главных закона логи-

ки – закон тождества и закон противоречия – со своими главными свойствами – «да» и «нет», «истина» и «ложь» – оказываются не в состоянии адекватно отразить происходящие здесь семантические процессы.

Следует отметить, что вводимые Кантом слова из естественного языка в сферу специальной философской лексики, если использовать терминологию Р. Карнапа [4], представляют собой экспликанды: неточные, хотя и интуитивно хорошо знакомые понятия. Посредством экспликации они превращаются в экспликанты.

Между тем произведенная Кантом экспликация словосочетания «вещь в себе» сохраняется без изменений только в работах самого философа. Уже в текстах его ближайших «последователей» словосочетание «вещь в себе» подвергается вторичной экспликации. Так, в работах Фихте содержание термина «вещь в себе» существенно корректируется в соответствии с положениями его философской концепции. Тем самым требования экспликации точно исполняются только в одной философской концепции, но уже в любой другой эта точность нарушается.

Лабильность значений метафор вполне оправданно вызывает сомнения в правомерности их использования в профессиональных философских текстах. Однако продемонстрированная неизбежность обращения философской мысли к метафорическим средствам склоняет к иной точке зрения. В поисках новых языковых реалий философы выходят за пределы привычного языкового пространства. Процедура такого выхода может быть описана через посредство понятия «игра».

Известно, что термин «игра» применяется к таким процессам, где постоянно чередуются противоположные состояния, где постоянно только перемена. Подобным образом протекает и образование метафоры. Об этом свидетельствует этимология слова «метафора». В переводе с древнегреческого оно означает «перенесение». Метафора переносит слово из одного лексического ряда, привычного, в другой, вновь созданный, и в этом смысле воплощает переход языковых структур из сферы житейской речи в речь профессиональную, сочетая в себе элементы обеих сфер. Нами было показано на примере «Критики чистого разума» Канта, что в метафоре устанавливается смысловое равновесие, в котором нет определенной ясности предмета, целенаправленно вводимого для пояснения другого, как в иллюстративном вспомогательном сравнении.

Отличие метафоры от сравнения в современной лингвистике стало уже неоспоримым фактом. Теперь необходимо показать следствия этого отличия, которые применимы непосредственно к объекту нашего исследования – языку философии.

Известно, что слова, применяемые в области философского знания, традиционно разделяются на три подмножества:

1. Слова, выражающие понятия, неспецифические для философского знания, призванные иллюстрировать философские положения.

2. Слова, выражающие понятия философского характера, не находящиеся на уровне обобщения категориальной философии.

3. Слова, выражающие категории философии.

Вместе с тем важно иметь в виду, что, согласно традиционным положениям классической философии,

философскими по сути являются только слова третьего подмножества. Первые же два имеют исключительно прикладное значение. Из чего следует, что они выражают философские значения только совместно с философскими категориями и могут быть с легкостью заменены другими словами.

Метафору относили к первому подмножеству рассматриваемой классификации. Это же может быть оправдано только в контексте сравнительной теории метафоры, которая является анахронизмом в современном научном мире. Так, Ортега-и-Гассет справедливо замечает: «Когда тот или иной автор упрекает философию в использовании метафор, он попросту признается, что не понимает и философию, и метафору» [5. С. 203].

Современные теории метафоры отрицают сведение метафорических структур к сравнениям и иллюстрациям. В контексте их выводов необоснованным представляется и утверждение об исключительно выразительной роли метафор в философии. Очевидной становится необходимость введения метафорических конструкций в состав языка философского дискурса.

Метафоры в философии создают не только словообразовательный инструментарий. Их философский потенциал более значителен. Метафоры формируют целые лексико-семантические поля. Так, в «Критике чистого разума» Канта вокруг метафоры «вещь в себе» образуется ноуменальное лексико-семантическое поле. Оно формируется группировкой терминов-словосочетаний с таким компонентом-словом, как «трансцендентальный», например, «трансцендентальный объект», «трансцендентальные вопросы», «трансцендентальное применение понятия», «трансцендентальная иллюзия».

Таким образом, неизбежным становится расширение традиционной классификации слов, применяемых в области философского знания. Рассмотрение словаря языка философии позволяет выделить в нем еще и четвертое, совершенно самостоятельное подмножество слов, к которому относятся термины, выражающие понятия философского характера не специфическими для языка философии средствами. Наличие этого подмножества является мощным фактором роста философского знания, отрицание же его эпистемологического веса в философии равнозначно признанию бесперспективности всякого рода философских поисков.

При этом важно заметить, что источником обогащения метафорических ресурсов языка философии может быть не только естественный язык. Как это ни парадоксально, но использование терминологии точных наук зачастую ведет даже к возрастанию нестрогости, метафоричности языка философии. Скажем, понятие «сфера», фигурирующее в геометрии, обладает вполне определенной и даже узкой областью применения. Оно специфицировано к анализу положения точек, одинаково удаленных от одной определенной точки – центра сферы. В философии оно приобретает совершенно иной смысл, т.к. применяется к умозрительному по своей тематике анализу.

В философских текстах понятие «сфера» сохраняет лишь отдаленные связи с геометрией. На них указывает его отношение к исследованию пространства. В философии таким пространством становится непосредственная действительность философской мысли, бытие

мышления. Метафора «сферы» в контексте философской проблематики характеризует различные аспекты той среды, в которой существуют философские идеи. С этой целью она образует всевозможные терминологические сочетания, такие как: «сфера философских знаний», «сфера эмпирических фактов», «сфера мысли» и т.п. В каждом из них понятие «сфера» устанавливает пределы распространения и область распространения философской мысли.

Следует подчеркнуть, что термины, обладающие в структуре геометрии, физики и других подобных дисциплин дефинитивной однозначностью, строгой определенностью, именно в силу этого факта и не могут непосредственно применяться в философии. Их вовлечение в язык философии связано со значительными преобразованиями содержания. И если метафоры естественного языка, преобразовываясь в философские, претерпевают уточнение, то естественно-научные термины, ввиду своей и без того узкой семантики, существенно перепрофилируются.

И в этом плане очевидной становится целесообразность выявления специфических свойств метафор в разных типах текстов. Известно, что диапазон текстового применения метафорических структур широк – это и художественные, и естественнонаучные, и философские типы текстов. Близкими на первый взгляд кажутся и функции, которые они выполняют.

Все метафоры одновременно выражают, описывают и предполагают, но при этом некоторые из них (научные) в большей степени предполагают, другие (художественные) выражают и т.д. Определенная специфика прослеживается и в философских текстах.

Ортега-и-Гассет основную причину различного функционирования метафор видит в несходстве режимов и задач, которым подчиняется область науки и поэзии. Он полагает, что метафорическое мышление в науке и поэзии выполняет разные роли: в поэзии метафора утверждает действительное тождество отличных друг от друга предметов и излучает красоту, обнаруживая свое преувеличение. Ортега-и-Гассет замечает: «Поэт утверждает частичное тождество двух предметов, чтобы сделать вывод – и ошибочный! – об их полном сходстве. В подобном преувеличении, прорыве истинных границ тождества как раз и состоит ценность поэзии» [5. С. 209].

Прямо противоположным образом использует метафору ученый. Сначала он утверждает полное тождество, как и поэт, но затем опровергает его и ограничивается частичным. Установление частичного тождества через посредство метафорических структур выполняет роль инструмента научного познания. Так, говоря о душевных глубинах, психолог знает, что душа не имеет глубины. Но употребление им метафоры наводит нас на мысль о существовании такого слоя психики, который в структуре душевной жизни играет ту же роль, что глубина в пространстве [5. С. 209–210].

Тем самым, Ортега-и-Гассет считает, что как поэтические, так и научные метафоры требуют известного тождества двух объектов. Поэтической метафоре присуще установление более полного тождества между двумя членами подразумеваемого сравнения, чем это позволяет сделать реальное положение вещей. Поэти-

ческая метафора содержит в себе преувеличение, которое воздействует на воображение. Научная же метафора, напротив, появляется там, где, отправляясь от тождества двух предметов, она удерживает из него лишь столько, сколько необходимо для конкретизации явлений, которые иначе оказались бы недоступными нашему восприятию. Таким образом, поэтическая метафора идет от меньшего к большему, а научная метафора – от большего к меньшему.

Эффективность применения метафоры, согласно Ортеге-и-Гассету, повышается в зависимости от степени удаленности ее предмета от проблем повседневной жизни. Так, он замечает, что метафора «тем нужнее, чем дальше мы отходим от вещей, то и дело подвтыгивающихся под руку на повседневных дорогах жизни» [5. С. 211]. Умозрительность философской проблематики влечет за собой востребованность метафоры и в философских текстах.

Подводя итоги сказанному, прежде всего следует отметить, что в ходе изучения процесса функционирования метафор языка философии были получены результаты, указывающие на то, что пребывание метафорических структур в философских текстах далеко не случайно. Оно продиктовано глубинными потребностями самого языка философии. В частности, важнейшим стимулирующим фактором метафоризации явля-

ется отсутствие у него собственного объективированного поля референции. Язык философии возникает посредством нагружения предикатов новыми смыслами и становится не только выразительным средством философских идей, но и заключает в себе бытие философской мысли, способ ее существования. Образуюсь посредством трансгрессии, философская терминология часто имеет метафорическую природу, т.к. сама процедура метафоризации сводится к перенесению слов из одного лексического ряда, привычного, в другой, вновь созданный. Так, метафоричны в своей основе такие сугубо философские термины, как «бытие», «субстанция».

В процессе развития язык философии активно контактирует с языком науки, искусства. Но наиболее продуктивны, как было показано, его контакты с естественным языком. Последнее, очевидно, вытекает из способности философских знаний выходить за рамки наблюдаемого, исключая возможность открытия в них новых фактов. Используя хорошо изученные факты, ставшие достоянием языка обыденной жизни, язык философии вырабатывает новые принципы их видения. В механизме создания этих принципов немаловажная роль принадлежит метафорическим структурам. Они находят «телесное» воплощение умозрительному по своей сути предмету философской мысли, что позволяет познавать непосредственно не наблюдаемую действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
2. Аверинцев С.С. Новое в современной классической филологии. М.: Наука, 1979.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
4. Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.
5. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры. М., 1991.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 16 мая 2008 г.